

**Ю. В. Лиморенко,
Институт филологии Сибирского отделения РАН**

**ЛЮДИ И ДУХИ:
СЮЖЕТНАЯ СТРУКТУРА МИФОЛОГИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ О ВСТРЕЧАХ
С ДУХАМИ-ХОЗЯЕВАМИ МЕСТНОСТИ
В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ СИБИРИ**

В повествовательном фольклоре народов Сибири большое место занимают мифологические рассказы о встречах людей с духами-хозяевами местности. В зависимости от региона наибольшую роль в таких рассказах играют духи различных природных ландшафтов. Так, у хакасов и тувинцев

это, в первую очередь духи-хозяева гор [1, 107; 3], у якутов и хантов – хозяева леса [4, 17; 5]. Преобладание рассказов о таких духах объясняется тем, что они связаны с местностями, важными для традиционного промысла разных народов. У народов Южной Сибири это в первую очередь охота

в горной тайге – у обских угров и якутов – промысел в равнинных лесах. Нередко упоминается также дух-хозяин воды (реже – дух-хозяин в мужском облике), но роль хозяев воды не связана напрямую с промысловой деятельностью; хотя встречи с ними могут происходить во время охоты или рыбалки на реке (озере), духи не влияют на удачу промысловика.

Выделяя мифологические рассказы о встречах с духами-хозяевами в особый поджанр сказочной прозы, мы опираемся не только на тематический критерий, но и на ряд сюжетных особенностей, позволяющих говорить о достаточно устойчивой структуре таких текстов. Ряд рассказов, тематических близких к названной группе, полностью отличается по сюжету. Речь в них также идет о встрече с духом-хозяином местности, однако взаимодействие человека и духа происходит по иному сценарию: само по себе появление духа сулит человеку счастье/несчастье, что и сбывается через некоторое время. Рассказы на подобные сюжеты мы оставляем за рамками этого исследования, так как их изучение требует привлечь обширный материал по традиционным верованиям сибирских этносов и составляет отдельную научную проблему.

Обстоятельства встречи человека (чаще всего – охотника) с духом местности происходит во время промысла, в местах, отдаленных от человеческого жилья. Это пограничная территория между миром людей и миром природных духов [1, 107], и правила поведения на ней регламентируются рядом традиций, причем как для людей, так и для духов. Человек реагирует на встречу с духом с опаской: как стихийные силы, духи местности своевольны, непредсказуемы и очень сильны на своей территории. Дух же, в свою очередь, связан законами гостеприимства: пришедшему на его землю он не может причинить зла без веских на то причин. Поэтому, например, в тувинском мифологическом рассказе девушка-хозяйка тайги приглашает охотника в гости:

«[Там, где] перевал, много снега выпало, ты его не сможешь пройти. Здесь [тебе] заночевать будет лучше. Вместе у одного костра давай заночуем, – сказала, [за собой] охотника повела, поехала» [3, 121].

Человек-промысловик приезжает в лес (в горы), чтобы, по сути, воспользоваться частью богатств духа местности. Все, что находится на подконтрольной духу территории, принадлежит ему, и охотничья удача зависит от того, захочет ли дух поделиться с человеком. Как правило, тексты начинаются сообщением, что охота у персонажа не удалась, он ничего не может добыть или потерялся, отстав от более удачливых товарищей:

«...первые белковички верхом поехали [на промысел], один охотник от своих отстал» [3, 121].

«Охотник, на утреннем пастбище ничего не добыв, вернулся» [3, 125].

«Охотился, [но] пять дней без добычи возвращался, каждую ночь сказку сказывал, утром и вечером, [когда] звери паслись, зверя искал, днем пел, исполнял хоомей, каргыраа, в таком положении был. На шестой день вечером, зверя не добыв, силы исчерпав, еду съев, домой ехать решил...» [3, 135].

«В течение долгого времени в его настороженные орудия не попадал ни один зверь, в сети его не попадала ни одна рыба с осклизлой чешуей. Была осень, по реке шла шуга, и он никуда не мог поехать» [5, 215].

«Тот кангаласский парень тоже охотился самостоятельно. Он был новичком, его раньше не обучали охоте. Поэтому охота у него не ладилась, и он просил своих друзей охотиться артельно, но они не соглашались. Из-за того, что его промысел был неудачным, он очень горевал, печалился» [5, 219].

«Трое отправились на промысел в дальнюю тайгу. Отправляются в тайгу двое опытных людей и один юноша. Вот, прибыв в незнакомое для юноши место, сказали: «Ты, оказывается, не умеешь толком охотиться», – и прогнали его [из артели]» [5, 225].

«Эээ, охотился. Теперь, когда с охоты вернулся – ничего не добыл» [6, 315].

Именно к человеку, оказавшемуся в трудном положении, обращено внимание духа местности. Иногда это случается просто потому, что охотнику повезло встретить духа, иногда духа привлекает музыка и пение [3, 134-141], иногда охотник заболевает или ломает ногу и вынужден остаться в тайге, когда его товарищи возвращаются домой. Дальнейший контакт человека с духом развивается по определенному сценарию. По сути, эти отношения регулируются условиями сделки.

В доступных нам текстах подавляющее большинство духов-хозяев леса/горы – женщины. Они симпатизируют молодым охотникам, особенно если те умеют рассказывать сказки, петь и играть на музыкальных инструментах [1, 108] или жалеют стариков, которым стало трудно охотиться [3, 129-133]. В первом случае дух местности пытается склонить охотника к совместной жизни – просит стать ее женой, приглашает пожить с ней или дать ей ребенка:

«Девушка на это:

– [Если] со мной у одного очага ночуешь, что поделаешь, со мной ложись ночевать» [3, 123].

«Наутро встали, [и когда] вместе ели, красавца сказала:

– Что если вместе жить попробуем? Согласны ли Вы? Я к твоим песням, хоомею, каргыраа, сказкам, к тебе, знающему разные искусства, привыкла, влюбилась... В вашем аале жена, дети есть у вас? Их образованными-грамотными, очень богатыми сделаю. Ну как, согласны? – спросила [хозяйка]» [3, 137-139].

«Затем сказала:

– Я тебя люблю! В тебя влюбившись, осенью (даже) не успела уйти в гору – сейчас двери гор закрылись. Теперь я за тебя выйду! – так говоря,

сказала. – За тебя выйду замуж – говорит, – за тебя выйдя, [буду с тобой] жить» [6, 315].

«Я не обычная женщина, я дочь духа-хозяина темной тайги. Услышала, как ты на коленях заклинал нас грустными словами, угостив огонь саламатом, сдобренным маслом, и пожалела. К тому же я увидела, какой ты молодой и красивый, тем ты меня привлек, и я тебя полюбила. Поэтому я одарила тебя драгоценной пушиной темного леса, дала мехов столько, сколько ты хотел. И еще я забеременела, и если рожу мальчика, то он станет байанам по имени Хангалас сиэнэ» [5, 221].

Иногда хозяин местности желает выдать за человека свою дочь:

«Когда стали есть, лесной дух сказал:

– Если ты останешься у меня жить, то за тебя я выдам свою дочь. Ты будешь невидимым для других людей, как и я» [4, 193].

Как правило, охотник не соглашается остаться с хозяйкой навсегда: его дома ждет семья, он тоскует о ней:

«[Как] свой аал-родину, детей вспомню, мне ничего [больше] не надо» [3, 139].

«Метрей сказал:

– Как со мной будешь жить? Я зимой-летом жить в лесу (не могу), не буду жить. У меня дом есть, жена есть, дети, – так говоря, сказал» [6, 317].

Но зиму (промысловый сезон) он все же проводит с хозяйкой: она живет с ним и посылает ему добычу, он охотится и добывает много зверя. В некоторых случаях хозяйка, получив отказ остаться с ней, один раз дает охотнику богатую добычу, достаточную, чтобы оправдать поездку на охоту.

Но получить благословение духа-хозяйки – полдела: нужно еще сохранить его, а этому может препятствовать нарушение запрета, налагаемого духом. Чаще всего это запрет рассказывать о встрече с духом-хозяйкой:

«[Когда] отсюда поедешь, поедешь с горы, [там] седловина будет, коня привяжи, сиди [и] жди. Два быка прибегут, их, выстрелив, добудешь. Этих быков в аал принесешь, [их] мясо-шкуру, рога продашь, получишь [прибыль], снова сюда приедешь. Обо мне, что встретил такого человека, людям рассказывать нельзя, – так наказала, его коня привела» [3, 139].

«[Когда] из своего аала поедешь, в юрту одного большого ламы приедешь. Обо мне, что, мол, такого человека встретил, рассказывать нельзя» [3, 131].

«Вернувшись [домой], жене и родителям своим три года [обо мне] не рассказывай, – наказывая, поучая, говорила, охотник нарушил [клятву], дня не прошло, рассказал-поведал [об этом]» [3, 125].

«Но ты накрепко запомни: не смей говорить никому из людей о своем знакомстве со мной, если расскажешь, то на меня не обижайся, а себя вини» [5, 221, 223].

«Еще девушка сказала при расставании, до того, как он поехал: «Вот, если ты обо всем этом потом расскажешь [кому-нибудь], тотчас ослепнешь совсем. Вот про это помни, поэтому никому из людей не рассказывай». Вот так завещала та девушка» [5, 231].

Запрет может включать и другие наказания:

«Дух-хозяйка тайги – девушка тут:

– О нашей встрече десять лет никому рассказывать нельзя, – сказала, охотника в его аал отправила. Отправляя, наказала:

– Уезжая, не оглядывайся совсем, [если] оглянешься, худое случится» [3, 125].

«Когда приедешь домой, в течение трех ней не смотри на огонь! Живи в темном месте, в темноте!» [4, 194].

Запрет возникает, по-видимому, из-за того, что человек (как мы уже говорили выше) входит в пограничную область, где кончается «своя» территория и начинается чужой мир, не входящий в сферу контроля человека. Такое путешествие не дается даром – чтобы благополучно пересечь границу, переходя в обратную сторону, в человеческий мир, требуется чем-то заплатить. Этой платой и становится соблюдение запрета. Надо отметить, что в большинстве текстов, сюжет которых содержит мотив запрета, этот запрет нарушается и герой страдает от последствий этого. Реже сообщается, что человек соблюдает запрет, сохраняя добытое богатство и удачу. Можно сделать вывод, что соблюдение запрета – трудная задача, которая по силам далеко не всем.

Остановимся подробнее на мотиве брака мужчины с духом-хозяйкой местности. Тексты показывают, что такой брак необходим, чтобы человек мог получить долю богатства, которыми обладает дух. В. В. Мидибекова на основании этого мотива выдвигает предположение о том, что дух-хозяйка местности (чаще всего – горы) – это персонификация матери-земли [1, 107]. Это предположение представляется верным – в этом случае становится понятна семантика брака богини с человеком: только человек может оплодотворить ее (во многих текстах сообщается, что у дух-хозяйки рождается ребенок), а взамен он получает часть силы богини в виде богатства и охотничьей удачи. «...Существенный аспект созидательной функции богини-матери – покровительство плодородию почвы, скота и людей, а в связи с этим и сексуальной активности как источнику плодovitости» [2, 179].

Несколько особняком стоят два мансийских текста о духах-хозяйках Мис-нэ. В первом тексте человек отнимает у Мис-нэ – духа воды – золотой гребень, и таким образом она становится женой этого человека. Она приносит в его дом богатство и рождает ему ребенка, но ревнивая первая жена старика вынуждает Мис-нэ нарушить наложенный на нее запрет: она должна была молчать, пока не заговорит ее сын, тогда богатство и удача остались бы в доме мужа навсегда. Мис-нэ уходит, забрав

сына, и лишает старика всех благ, которые приносила ему, пока жила с ним [4, 449–450]. Второй текст рассказывает об охотниках, которые не пожелали подвезти в лодке трех Мис-нэ, обещавших дать людям богатство и промысловую удачу. Когда люди вернулись домой, они увидели, что три Мис-нэ лишили их всего имущества за то, что люди пренебрегли ими [4, 450–451]. Как видим, в первом тексте идея благополучия и богатства тесно связана с браком: брачные отношения старика и духа воды приводят к тому, что старик разбогател, а Мис-нэ родила ребенка. Во втором случае о брачных намерениях не говорится прямо, но мы можем с некоторой долей вероятности их предполагать: просьба Мис-нэ подвезти их в лодке может быть знаком, намечающим более конкретное намерение вступить в связь с мужчинами-охотниками и таким образом сохранить и приумножить их богатство.

Рассказы, где действует дух-хозяин в мужском облике, встречаются реже и содержат меньше постоянных мотивов, чем тексты о духах-хозяйках. Как правило, в рассказах о духе-хозяине присутствуют только мотивы одаривания человека богатством/удачей, запрета и его нарушения. Например, хозяин земли у юкагиров заключает с человеком сделку: в обмен на бочку спирта он дает пушнину. Человек из жадности решает убить хозяина земли и забрать его богатства силой, но терпит неудачу: дух сам расправляется с ним [7, 306–309]. Встречаются и тексты, где дух-хозяйка за свою помощь просит у человека не вступить с ней в брак, а отдать что-либо ценное. Так, в якутском мифологическом рассказе хозяйка горы просит охотника уступить ей его щенка; сперва охотник отказывается, но добыть ничего не может, к тому же начинается буря. Тогда он понимает, что, не исполнив просьбу духа, он не выберется домой живым, и отдает собаку, после чего добывает много зверя [5, 214–219].

Опираясь на текстовые данные, можно составить общую сюжетную схему мифологических рассказов о взаимодействии охотников с духами-хозяевами местности:

1. Сделка человека с духом.

2. Нарушение человеком условий соглашения → гибель или потеря богатства.

В большинстве изученных нами текстов, однако, представлена более развернутая и сложная схема.

1. Охотник отправляется на промысел, но ничего не может добыть.

2. Ему встречается дух-хозяйка (реже – хозяин) местности.

3. Дух и человек пытаются заключить сделку: дух предлагает условия, человек соглашается / спорит.

За. Дух-хозяйка предлагает охотнику стать ее мужем / живет с ним.

4. Человек получает богатую добычу, дух налагает на него запрет (чаще всего – запрет рассказывать о встрече).

5. Человек нарушает / не нарушает запрет, становится богатым/теряет все добытое (иногда гибнет).

Возможно, первая схема более ранняя по происхождению: отношения людей с духами природы изначально воспринимались как основанные на договоре, учитывающем, что у духа больше возможностей, а у человека больше потребность в таком договоре. Впоследствии, с развитием представлений о духах среднего мира и с усложнением фольклорных повествовательных традиций, сюжет о встрече с духом мог обрести дополнительные мотивы.

Литература

1. Миндибекова В. В. Хакасские мифы о духах-хозяевах стихий. – Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 3. – С. 106–110.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1. – С. 179.
3. Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010. – 372 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).
4. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост. Н. В. Лукина. – М.: Наука. Главная редакция вост. лит.-ры, 1990. – 568 с. (Сказки и мифы народов Востока).
5. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 400 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
6. Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / Сост. Л. Н. Арбачакова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 608 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).
7. Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. – М.: Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).